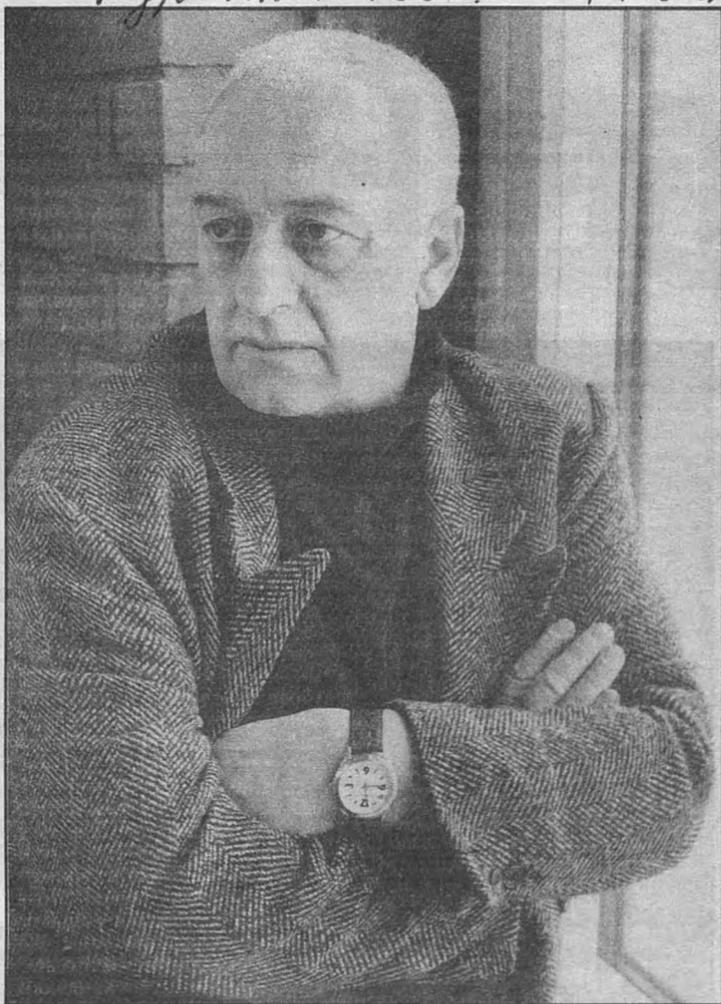

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК В НЕСВОБОДНОМ МИРЕ

Резо ГАБРИАДЗЕ мы узнали благодаря кино. Он участвовал в создании сценариев фильмов Эльдара Шенгелая и Георгия Дanelия, очаровательных грузинских короткометражек. А еще он — «отец» уникального Тбилисского театра марионеток. Автор недавно показанной в Москве потрясающей кукольной постановки «Песня о Волге»: в Германии на Веймарском фестивале этот спектакль о Сталинградской битве вызвал самые долгие аплодисменты у немцев. Еще Резо лепит, рисует, делает восхитительные фарфоровые куклы. И в свои шестьдесят остается все таким же большим ребенком — трогательным и обаятельным.

— Резо, как вам живется в Грузии?

— Открылась возможность, поздня к сожалению, зажить нормальной режиссерской жизнью: разъезжать по городам и странам, ставить спектакли, узнавать, что происходит на других сценах. А Грузия — моя родина, и основные силы отдаю ей. Пишу пьесу для моего театра в Тбилиси, сделал уже несколько вариантов. Но я всегда работаю трудно.

— В Москве вам уютно?

— Я грузин. Но я знаю Россию всю мою сознательную жизнь. Я ведь родился в Кутаиси на улице Пушкина. И в школе за курчавость меня звали Пушкиным. Сейчас живу в Москве. Работаю консультантом у Евгения Колобова в «Новой опере». И только что получил приглашение от Олега Павловича Табакова на постановку в его театр. Пьесу, наверное, буду писать сам.

— За вами слава великого выдумщика и мифотворца. Вымысел вам дороже реальности?

— Мифотворчество бесмертно, оно всегда будет сопутствовать человеку. Но миф, не подкрепленный реальностью, не выживет. Тот же библейский потоп наверняка был — геология о том свидетельствует. Я занимаюсь мифотворчеством о Гете, Пушкине, Галактионе Табидзе, долгие годы делаю это вместе с Андреем Битовым. Иногда это шутки, иногда — грустные размышления. Допустим, что было бы, если бы Пушкин дожил до старости? Увидел бы он в Нью-Йорке оперу Пуччини «Пугачев» с Энрико Карузо в главной роли? Зашел бы в артистическую уборную певца, чтобы поздравить его с арией Пугачева? Такое фантазирование сродни игре, а игра всегда приятна.

— Любите счищать с великих хрестоматийный глянec?

— Страшно, когда люди становятся равнодушными. Тогда они берут ведро расплавленной бронзы, лепят из нее, к примеру, Гете и ставят этот ужасный памятник в Мюнхене. Формально великого человека вроде бы уважили, а на деле произошло отчуждение. Бронза хороша, когда автор делает из нее свою вещь. А когда истерят историческую фигуру, есть опасность «замуровать» личность. И хочется соскрести с этих фигур немножко бронзы, чтобы они ожили, задышали.

— Ясно. Вы бронзу предпочли хрупкий фарфор и потому представили на выставке в Москве целый «фарфоровый театр», где шуточные сюжеты разыгрывали Пушкин, Гете, Бетховен и прочие великие. По какому принципу отбирали персонажи?

— Они мне дороги, как и всем людям. Так почему не взять их в игру? Когда затеял ее в часы досуга за рубежом, не думал, что из этого родится выставка. Это и не выставка даже, а спектакль, хоть его герои и сделаны из фарфора. Он бродит по миру и заставляет зрителей улыбаться.

— Сценарист, режиссер, живописец, скульптор и кукольник — это Габриадзе для нас. А кто Габриадзе для себя самого?

— Сам часто думаю об этом. Наверное, прежде всего я грузинский прозаик и художник. Но не стоит особенно этим хвалиться. Вот живопись Лермонтова может вызвать зависть профессионалов. И на пушкинскую гра-

фику можно смотреть только с восторгом. В Грузии тридцатых годов ни у одного графика не было такой уверенной руки и вкуса, как у поэта Галактиона Табидзе. Да и во многих обычных семьях можно найти бабушкины альбомы с восхитительными акварелями и стихами, написанными по крайней мере от сердца.

— Вы ставили спектакли в Швейцарии, Франции, Германии. Как работаете за рубежом и как здесь?

— Безусловно, за границей легче дышится, там между словом и исполнением нет никаких преград. А работать в России в наше время — подвиг. Готов обнять всех моих московских коллег, которые хоть как-то выпускают спектакли. Когда сам я два с половиной года назад приехал сюда, мне сразу было сказано умными людьми: нужна «крыша». И желательно, чтобы она была уголовно происхождения. Я был удивлен: я хочу делать кукольный спектакль, зачем мне «крыша»? Все это очень грустно и мешает работать.

— Какие спектакли интереснее делать — драматические или кукольные?

— Удобнее, конечно, работать с драматическими актерами на обыкновенной сцене. Ведь кукольный спектакль — это огромный труд, он требует энергии, ее хватило бы на три драматические постановки или фильма. Я не часто обращаюсь к куклам, для меня это просто лаборатория драматурга, где можно ставить опыты. В моем детстве кукол не было, и в молодости тоже ими не интересовался. Но как-то в Ленинграде случайно оказался в театре кукол — забегал, чтобы переждать внезапный дождь. Увидел там замечательную куклу, единственную, по моему, удачную в спектакле, и решил заняться куклами сам. Но в моих спектаклях дело вовсе не в куклах, а в построении, ритмике. Поставить спектакль — неважно с куклами, с людьми ли — вот что самое сложное. Мне уже шестьдесят, накоплен какой-то опыт. И я хочу, чтобы в Грузии у меня был просто театр, в котором существовали бы вместе и люди, и куклы, и предметы, и музыка, и живопись, как это было давным-давно, в средние века, которые так незаслуженно обижают из темноты нашего времени.

А в Москве хотелось бы поработать на драматической сцене с Олегом Табаковым, Лией Ахеджаковой, молодыми актерами. Знаете, меня смешит, когда про артиста говорят: талант! Пустое слово, ничем не подкрепленное. Дело совсем не в таланте, а в сердце человека, его желании играть. Я не «режиссер режиссерович», не представляю себя сидящим в партере и изрекающим команды. Режиссер должен быть с актерами и открывать истину вместе с ними. А приказывать — не для меня. Это «цковский» комплекс. Актер, как и любой человек, должен быть свободен внутри.

— А как с собственной внутренней свободой?

— В искусстве — да, я свободен вполне. А в жизни все наоборот. Ощущаю постоянную зависимость от быта и только на Западе немножко вздыхаю. Вот вчера день ушел на то, чтобы купить флакончик белой гуаши. Это же смерть! Уж не говорю о миллионе неудобств оттого, что каждый здесь имеет право быть над тобой начальником. О ненужных трудностях, которые изматывают душу и убивают всякое желание писать, рисовать. А в результате то, что можно сделать макси-

мум за шесть месяцев, делаешь три года и вдобавок судьба сделанного совершенно неизвестна. Ведь если бы не помощь Министерства культуры в лице Евгения Сидорова и Константина Щербакоева, мой спектакль «Песня о Волге» в Москве вряд ли бы увидели. Он бы стал достоянием Запада, тем более что в выпуске вместе с Россией участвовали Франция, Италия и Германия.

— Широкой публике Резо Габриадзе стал известен после фильмов Эльдара Шенгелая и Георгия Дanelия. Как кино вошло в вашу жизнь?

— Случайно. Приехал в Москву на Высшие сценарные курсы. И, как оказалось, не с таким уж богатым запасом. Знал «Тарзана» и до сих пор убежден, что это прекрасный фильм. Знал трофейные картины и очень им благодарен: они будили воображение, учили, что есть люди, которые красиво ходят, садятся, одеваются, что любовь бывает не только на свиноферме. А с советским кино у меня всегда были немножко натянутые отношения. Отталкивали схожие с механизмами герои, грубость, переходящая в хамство. Близким было то, что делал в кино Эльдар Шенгелая и Георгий Дanelия.

— В кино вы сознательно выбирали в герои чудачков?

— Я бы хотел окончательно распрощаться с этим словом. Один из наших фильмов действительно называется «Чудачки». Но никаких чудачеств там нет. Просто наши герои в жизни следуют нормальным человеческим нормам, что по тем временам выглядело чудачеством. А на самом деле и в «Чудачках», и в «Не горюй!», и в других наших картинах присутствует самый жестокий реализм.

— Власти вам сильно досаждали?

— Никогда они мне не мешали. Но и не помогали. Не было случая, чтобы меня вызвали «на ковер» и сказали: «Что ты делаешь?!» Мы оставались как вода и керосин. Я принимал все это, как стихию, как дождь, ураган. Тогдашняя пропаганда на меня действовала, как испорченный кран: течет — и поначалу это мешает, а на второй-третий день привыкаешь и перестаешь замечать. Я как-то сумел параллельно с властями прожить. А если кто и внушал страх, так это Люба. Женщина с наколкой, фиксами и родинкой на левой щеке, которая была секретаршей на нашем факультете в Тбилисском университете. Это было конкретное зло. Я мог не думать о ЦК, но очень боялся завкафедры марксизма-ленинизма или доцента с кафедры политэкономии. Они были абсолютно извращенными политпропагандой людьми, запоминать их фразы было невозможно. Поэтому к зачетам я вставал в четыре утра, все выучивал и быстро скатывался с горы, на которой стоял мой дом, спеша на кафедру: запомнить выученное я был способен только на три-четыре часа.

Но Грузия все-таки была свободнее России, она не стояла за «рулем», а болталась где-то сзади, в «теплоте дружбы народов» — пассажем. И в искусстве у нас все легче обходилось. Хотя к Шенгелая, который тогда был секретарем ЦК, я доступа не имел, как и все, понимал: без него муха с арбуза на дыню не могла перелететь. И, конечно, на что-то он закрывал глаза. Оказался дальновиднее, чем какой-нибудь обыкновенный член политбюро.

— Вот иду слово — одно,

чтобы произнести его и сразу стало понятно — это о Габриадзе. И выбираю из множества — поэт. Как бы вы к этому отнеслись?

— Я лучше скажу, как я это слово понимаю. Я очень многое беру из грузинской поэзии. И мой театр во Франции после «Песни о Волге» предложили назвать театром поэзии. Мне кажется, поэт — в большом понятии, а не в моем случае — Божий человек. Да, есть молитвы, есть священные книги, но, видимо, нам, грешникам, этого не хватает. И тогда Бог посылает в мир поэта, чтобы тот своими словами рассказал людям о Божественном. Настоящие поэты — не те, кто владеет рифмой, а те, кто умеет тронуть сердце. Они толкователи Божественного. И они не обязательно сочиняют стихи. Моцарт ведь тоже — поэт. Слова «гений», «талант» в применении к таким людям неуместны, и я рад, что они девальвировались. Пусть лучше будет, как сейчас говорят, гениальная колбаса или гениальный гол. А Моцарт или Пушкин останутся для нас божественными.

— Что для вас самый большой грех?

— Их много. Но как человек театральный скажу, что главный среди них — заниматься тем, к чему ты не призван. Плохо, когда человек занимается театром, хотя тот его не волнует, не трогает.

— Тогда счастье для вас — заниматься тем, что любишь?

— Безусловно. Если бы позволили работать, как я хочу, был бы самым счастливым человеком.

— Сяду в вашей квартире и все люблюсь на самодельный ковер на стене. Ваша работа?

— Да, я рукодел. Люблю рисовать, лепить. Вообще многое умею делать руками. Вот только в электричестве ничего не понимаю. В юности я много профессий перепробовал. Работал в совхозе, на строительстве, на винзаводе бочки мыл, красил парты и фасады в школе, даже в хоре клуба депо «Москва-Сортировочная» солировал. Писал текстовки для четвертой полосы газеты. Строил Ингурскую ГЭС: опалубки делал, бетон заливал. Хоть сейчас мои опалубки показать могу. Сейчас вот спорит, кому эта ГЭС принадлежит. Но если она чужая, то верните мне мою кепку, которая в бетон упала, там и лежит, наверное, до сих пор.

Не знаю, что нас ждет завтра. Иногда думаешь, что сегодняшний день — это окончательная победа коммунистов. Ведь они изначально рвались к деньгам. А идея им мешала, и Маркс мешал. Сейчас Маркса выкинули, и осталась суть: захватить деньги. Но так я думаю в понедельник, а во вторник уже кажется, что пронесет.

— Не страшно?

— Как всем.

— Борьба со страхом помогает свое дело?

— Нет, оно утомляет. Здесь все меньше возможностей что-то делать. «Там» — больше. Но с годами человек хочет вернуться в свой угол. Дойти до дома и отдохнуть.

— А если бы все преграды исчезли, что вы сделали бы прежде всего?

— Вернулся бы в Грузию. Построил бы маленький дом, сам отделал интерьер, набросал бы на тахту козких шкур. Лег. И ничего бы не делал.

Беседу вел
Татьяна ИСКАНЦЕВА.

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.